

ТЕАТР имени Маяковского показал новый спектакль — «Поворот ключа» чешского писателя М. Кундера в переводе, вернее, как написано в программе, в свободном изложении А. Штейна.

Много привлекающего в этой пьесе. И прежде всего — главная тема: человек и его совесть, пагубность моральных компромиссов, властная сила героического в жизни людей. Тема гражданского прозрения, к которому неизбежно приходит Иржи Нечас, вчерашний партизан, а ныне муж маленькой мещаночки, спрятавшийся от тревог в теплом, устроенном и сытом мирке обывательской квартиры, стала ведущей в спектакле. В первую очередь потому, что в спектакле (постановщик В. Толмазов) так ярко, так полно, так страстно и совершенно разоблачили, осмеяли и высекли мещанство М. Штрауха, Ю. Глизера и Т. Карпова.

В среду их — людей, удивительно много говорящих о себе и о своих привычках, о своих снах и о своих надеждах и ни звука не говорящих о мире, о жизни вне своих комнат, — попадает человек, как раз ничего не говорящий о себе, но очень много размышлявший когда-то о судьбах мира, Иржи Нечас, совсем недавно героически сражавшийся с фашизмом. Через игру М. Штрауха, Ю. Глизера и Т. Карпова чувствуешь весь ужас положения Иржи, весь ужас его падения.

Все благообразно, все очень «прилично» в поведении милой троицы — отца, матери и дочери. Ничто не ослепляет, расстраивает, ничто не ранит слух, не вызывает раздражения. Но движется спектакль, и вдруг невыносимым становится благодушие этой семейки. Внутренняя пустота героев обнаруживается через нудную ритмику словесных повторов, через их фанатическую привязанность к одной-другой бедной мыслишке, вдруг по не-

БУДУЩЕЕ СПЕКТАКЛЯ

Вл. ПИМЕНОВ

чаянности забредшей в голову мещанина. И как полно передает отличное актерское трио чувство довольства собой, это свидетельство духовной смерти. Человек говорит, дышит, а его уже нет. Покой убивает жизнь, самодовольство останавливает движение. Вот и не вспомнишь, какое у Алены, жены Иржи, лицо, вспомнишь какой-то страшно назойливый, лезущий в уши голос, мелькающие в танце ноги, будто бы их и не две даже, а десятки ног обывателей, топчущих живую душу человека.

Прежде чем прошлое в лице партизанского товарища войдет в этот дом, Иржи — В. Толмазов будет уже держаться из последних сил, жить кошмарами, дышать мелкими, хриплыми глотками удушья.

Однако есть и другая сторона проблемы. Это тема Иржи, борца, в разгар битвы задумавшего передохнуть. По существу, мы не находим в спектакле ни объяснения, ни осуждения поступка героя. Куда, и кому возвращается Иржи, какие они, его товарищи по борьбе? Ведь он, как ни старается, не может не думать о них. И сожалению, об этом говорит недостаточное убедительно и ясно. Обличительная стихия в спектакле явно одерживает верх над стихией утверждения.

В квартиру Иржи и его семьи приходит Вера Конечная, бывший друг Иржи по антифашистской борьбе. Ища приюта у старого товарища, Вера невольно пробуждает лучшие струны в душе Иржи и уводит его в большой, грозный, живой мир борьбы. Роль Веры играет В. Орлова. И вот здесь-то, думаешь нам, театр совершает серьезный про-

счет, подкашивающий и авторскую концепцию, и общественное звучание спектакля. Героическое звучит отголоском прошлого, мещанская же тема раскрывается как сегодняшняя реальность. Т. Карпова играет человека живого, играет увлеченно, словно захлебываясь той сытой жизнью, которой полна ее героиня. В. Орлова играет давножитое и пережитое. Ее героиня не человек, но символ героини, не жизнь, но напоминание о жизни.

И получается, что мещанство — жизнь, а героиня — сон. А ведь на деле Вера и сегодня ведет бой за правду, в ней самой — буйная, неуемная жизнь. Зачем же такая многозначительная скорбь? С этим тесно связаны сцены-отступления, сцены-кошмары (неважно, как назвать те интермедии, в которых реальные, только что реально действовавшие люди начинают существовать в наихудших из измерений, в грезах ли, в снах ли). Условная символика, вымученные ассоциации этих сцен отвлекают от главного, надоедают совсем для сюжета пьесы ненужными «поисками» в области формы.

Можно и еще писать о неудачах спектакля и пьесы.

Скажем, не выглядит ли по меньшей мере спорным то, что Иржи, так много говоря о гуманизме, уходит с товарищами и оставляет в комнате тело убитого им провокатора-привратника, подвергая тем самым семью (в данном случае ни в чем не повинную) страшнейшей расправе?

Дело, конечно, не в математическом подсчете неудач и достижений. Спектакль еще только родился, он должен расти, а главное — углубляться и уточняться по линии мысли, содержания. Залогом тому — хорошее, что уже есть в нем.